

Достоевский и мировая культура. Филологический журнал. 2021. № 1 (13).
Dostoevsky and World Culture. Philological journal, no.1 (13), 2021.

This is an open access article
distributed under the Creative
Commons Attribution 4.0
International (CC BY 4.0)

Научная статья / Research Article

УДК 821.161.1

ББК 84 (2 Роч=Рус)

<https://doi.org/10.22455/2619-0311-2021-1-184-192>

© 2021. К.Г. Шерварлы

Московский Государственный Университет

им. М.В. Ломоносова, Москва, Россия

Функция сказки в повести Ф.М. Достоевского «Неточка Незванова»

© 2021. Ksenia G. Shervarly

Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia

The Function of the Fairy Tale in Fyodor Dostoevsky's Novel *Netochka Nezvanova*

Информация об авторе: Шерварлы Ксения Григорьевна, студентка 3-го курса филологического факультета, Московский Государственный Университет им. М.В. Ломоносова, Ленинские горы, д. 1, 119991 г. Москва, Россия.

<https://orcid.org/0000-0002-1483-0692>.

E-mail: ks-shervarly@yandex.ru

Аннотация: В статье анализируется значение сказки, сказочных мотивов в описании определённого периода жизни Неточки. Сказочная атрибутика используется при описании детства Неточки, проведенного с матерью и отчимом на чердаке. Неточка начинает себя помнить с момента возникновения любви к Ефимову, который тогда уже выстроил вокруг себя целый мир фантазий и иллюзий. Полюбив Ефимова, Неточка принимает его видение действительности и погружается в нереальную, сказочную атмосферу. Она верит в талант Ефимова, вместе с ним ненавидит и боится свою бедную матушку и мечтает убежать из дома. В какой-то момент сказка рушится: умирает «злодейка-жена», и Ефимову не удается одержать победу над приезжим скрипачом С-цом. Тогда утрата таланта становится неоспоримым фактом для самого Ефимова, а следом за ним и для Неточки. Девочка вдруг начинает бояться отца, не хочет оставлять матушку одну в комнате и страшится путешествия, о котором так страстно мечтала все это время. Очнувшись от сказки, и Ефимов, и Неточка начинают видеть вещи такими, какие они есть, начинают осознавать действительность. И если для Ефимова жизнь без сказки и без веры в свою гениальность становится неосуществимой, то для Неточки освобождение

от фантазий и грез оказывается возможностью перехода к другой, новой жизни. Исследование сказочных мотивов помогает осознать, каким образом проходило взросление Нечотки, и как любовь к отцу ввела Нечотку в ту странную и волшебную атмосферу, которой отличались детские годы девочки. Также используемые в описании данного периода жизни Нечотки сказочные мотивы показывают, как сильно влияет на детей поведение и мысли тех, кого они любят, и как сильно человек может исказить реальность, не желая признавать печальную действительность.

Ключевые слова: Достоевский, «Нечотка Незванова», сказка, фантазия, Нечотка, Ефимов, скрипка, действительность, любовь.

Для цитирования: Шерварлы К.Г. Функция сказки в повести Ф.М. Достоевского «Нечотка Незванова» // Достоевский и мировая культура. Филологический журнал. 2020. № 4(12). С. 184-192. <https://doi.org/10.22455/2619-0311-2021-1-184-192>

Information about the author: Ksenia G. Shervarly, B.A. student, Philological Faculty, Lomonosov Moscow State University, 1 Leninskie Gory, Moscow 119991, Russia. <https://orcid.org/0000-0002-1483-0692>.

E-mail: ks-shervarly@yandex.ru

Abstract: The article analyses the significance of fairy tales and fairy-tale motifs in the description of a particular period of Netchka's life. Dostoevsky uses fairy-tale attributes to describe the childhood Netchka spent with her mother and stepfather in the attic. Netchka remembers herself from the emergence of her love for Efimov, who had already built a world of fantasies and illusions around himself by that time. Netchka accepts his vision of reality and plunges into an unreal, fairy tale atmosphere. She believes in Efimov's talent, she hates and fears her poor mother as he does, and she dreams of running away from home. At some moment, the fairy tale collapses: the "evil wife" dies and Efimov cannot triumph over the visiting violinist S-ts. The lost talent suddenly becomes an unquestionable fact for Efimov himself, and for Netchka as well. That is why the girl suddenly begins to be afraid of her father, does not want to leave her mother alone in the room, and is afraid of the journey that she has been dreaming about so much. Waking up from the fairy tale, both Efimov and Netchka begin to see things as they are, begin to realize reality. Life without a fairy tale and faith in his own genius becomes impossible for Efimov. However, the liberation from fantasies and dreams turns out to be an opportunity for Netchka to move on toward a new life. The study of fairy-tale features in the novel helps to understand how Netchka grew up and how her love for Efimov brought Netchka into the strange and magical atmosphere that characterizes the girl's childhood. Moreover, allusions to fairy tales, used in the description of this period of life, show how strongly children are influenced by the behavior and thoughts of those they love, and how much a person can distort reality, not wanting to recognize the sadness of life.

Keywords: Dostoevsky, *Netchka Nezvanova*, fairy tale, fantasia, Netchka, Efimov, violin, reality, love.

For citation: Shervarly, K.G. "The Function of the Fairy Tale in F.M. Dostoevsky's Novel *Netchka Nezvanova*". *Dostoevsky and World Culture. Philological journal*, no. 1 (13), 2021, pp. 184-192. <https://doi.org/10.22455/2619-0311-2021-1-184-192>. (In Russ.)

В рассказе Неточки о своём детстве часто встречаются слова «фантазия» и «воображение». Б. говорит о Ефимове: «он поступил как фантазёр» [Достоевский 1972–1990, т. 2, с. 175]. Также Б. говорит о том, что талант у Ефимова «был вовсе не так велик, что много было <...> непрерывной фантазии, непрерывной мечты о собственном гении» [Достоевский 1972–1990, т. 2, с. 149]. Матушка вышла замуж за Ефимова, потому что «воображению ее льстила славная участь быть опорой, руководительницей гениального человека» [Достоевский 1972–1990, т. 2, с. 154], Неточка часто использует слова «поражённое воображение», «фантазия», говорит об отчине: «(он) в самом начале так непостижимо поразил мою фантазию» [Достоевский 1972–1990, т. 2, с. 172-173]. И на протяжении всего рассказа о жизни с родителями Неточка говорит о том, что именно в воображении рождались понятия («Теперь в моем пораженном воображении начали рождаться какие-то чудные понятия и предположения» [Достоевский 1972–1990, т. 2, с. 162]). Всё детство Неточки, в то время, когда она жила на чердаке с родителями, отличается своей фантазийной и даже волшебной атмосферой. В какие-то моменты детство Неточки даже становится похожим на сказку.

Интересен момент, в котором описывается, как Ефимов достает скрипку для того, чтобы показать её Неточке. Буквально получается, что скрипка – вещь, «которой я до тех пор никогда не видывала» [Достоевский 1972–1990, т. 2, с. 172], лежит в черном таинственном ящике, «которого я до сих пор никогда у него не видала» [Достоевский 1972–1990, т. 2, с. 172], и который нужно открывать ключиком, висевшем на шее у Ефимова. Ящик же лежит в сундуке, который, по правде говоря, не упоминается при подробном описании комнаты в начале рассказа Неточки. («Вся наша мебель состояла из какого-то остатка клеенчатого дивана, всего в пыли и в мочалах, простого белого стола, двух стульев, матушкиной постели, шкафика с чем-то в углу, комода, который всегда стоял, покачнувшись набок, и разодранных бумажных ширм» [Достоевский 1972–1990, т. 2, 159])

Получается вполне себе сказочный мотив хранения смерти Кашея в сундуке, зайце, утке и так далее. В первой части, ещё до своих воспоминаний, там, где Неточка пересказывает услышанное от Б., Ефимов тоже достаёт скрипку, чтобы сыграть для Б., когда тот впервые попал к ним на чердак. И там появление скрипки ограничивается кратким: отчим пошёл за скрипкой, отчим принёс скрипку.

Нет никакой сказочной таинственности с сундуком, ключом, чёрным ящиком. А тут, мало того, что подробно описано, как Ефимов достает скрипку, так потом это же дублировано при описании, как он её убирает: «Скрипка с теми же предосторожностями была уложена в ящик, ящик был заперт и положен в сундук» [Достоевский 1972–1990, т. 2, 172].

Этой сказочной атмосферой вокруг описания появления скрипки можно объяснить, почему Ефимов с таким трепетом, с таким благоговением и осторожностью относится к скрипке, доставая её из сундука. «Он взял этот ящик с какою-то робостью и весь изменился: смех исчез с лица его, которое вдруг приняло какое-то торжественное выражение» [Достоевский 1972–1990, т. 2, 172]. Ефимов даже даёт Неточке приложиться к скрипке, как к святыне, он боится РАЗБИТЬ её, «я видела, как он весь дрожал от страха, чтоб я как-нибудь не разбила ее» [Достоевский 1972–1990, т. 2, 172]. Разбить можно яйцо, а скрипку можно скорее сломать. Ключ от таинственного сундука Ефимов носит всегда с собой на шее, со слезами на глазах он показывает Неточке над скрипкой-яйцом своё «острие иглы» – рассказывает о своём таланте. Это его жизнь, и это же будет его смертью, если иглу (веру в талант) сломают. Её и ломает приезжий музыкант С-ц, которого Ефимов неслучайно называет своим смертельным врагом: «наконец, вынув из кармана афишу, начал уверять меня, что этот человек, к которому он идет сегодня, ему враг, смертельный враг его» [Достоевский 1972–1990, т. 2, 179]. Кстати, в разговоре о С-це Ефимов пользуется лексикой, употребляемой обычно в сказках: «сказал, что знает он эти чуда заморские, таланты неслыханные, знает и С-ца» [Достоевский 1972–1990, т. 2, 176].

Пересказывая воспоминания Б., Неточка отзывается о своей матери мягко, сострадательно: «Это была несчастная женщина» [Достоевский 1972–1990, т. 2, 154], «бедная матушка» [Достоевский 1972–1990, т. 2, 155], а отца называет даже «причиною смерти моей бедной матушки» [Достоевский 1972–1990, т. 2, 158] и часто говорит, что он «находил какое-то наслаждение мучить ее» [Достоевский 1972–1990, т. 2, 155].

Далее Неточка рассказывает уже о том, что помнит сама, «о том, что такое было моё детство» [Достоевский 1972–1990, т. 2, 158], и картинка вдруг переворачивается. Мы вдруг узнаем, что ещё в бессознательном детстве Неточка боялась матушку «больше всякого страха» [Достоевский 1972–1990, т. 2, 159], а с девятого года

своей жизни, когда она вдруг начинает помнить всё очень подробно, вместе со страхом к матушке, внезапно просыпается ещё и сильная любовь к отцу. Уже взрослая Нечочка удивляется: «Но до сих пор не понимаю, почему именно могло войти мне в голову, что отец мой такой страдалец, такой несчастный человек в мире! Кто мне внушил это?» [Достоевский 1972–1990, т. 2, 160].

Но это переворачивание картинки не будет выглядеть странно, если учесть, КАК начинаются воспоминания Нечочки о своём детстве: «...я **очнулась** вдруг, как будто от глубокого сна»¹. «Я очутилась в большой комнате с низким потолком, душной и нечистой» [Достоевский 1972–1990, т. 2, 159]. Такое неожиданное и резкое начало заставляет нас воспринимать с этого момента всю историю заново. Мы ничего ещё не знаем, это новый сюжет, новые герои. Мы вместе с Нечочкой вдруг оказываемся в этой нечистой (а не просто грязной) комнате на чердаке, с низкими окнами-щелями, с грязно-серыми стенами, с огромной русской печью в углу, с злой и нелюбимой матушкой, которая «все ходила, не уставая, взад и вперед <...> что-то шепча про себя» [Достоевский 1972–1990, т. 2, 164]. Нечочка называет своё детство чудным, «болезненной и чадной жизнью» [Достоевский 1972–1990, т. 2, 158], она говорит: я «живу в странном семействе», «в нашем углу никогда не смеются, никогда не радуются» [Достоевский 1972–1990, т. 2, 160].

Ещё она говорит интересную фразу: «Время, с которого я начинаю себя хорошо помнить, оставило во мне резкое и грустное впечатление <...> **оно** набросило темный и странный колорит на все время житья моего у родителей, а вместе с тем – и на все мое детство» [Достоевский 1972–1990, т. 2, 159]. То есть получается, что главной причиной такого тёмного, странного, волшебного детства становится момент, с которого Нечочка начинает себя хорошо помнить. Это момент заступничества за отца, а вместе с тем и момент зарождения любви к отцу. «Я уже рассказала первое пробуждение мое от младенческого сна, первое движение мое в жизни. Сердце мое было уязвлено с первого мгновения» [Достоевский 1972–1990, т. 2, 160]. (В этот момент она вдруг просыпается, вдруг находит себя на чердаке и удивляется: «Не знаю, каким образом все, что было со мною до этого возраста, не оставило во мне никакого ясного впечатления» [Достоевский 1972–1990, т. 2, 158].) Детство Нечочки можно

¹ Здесь и далее полужирный шрифт в цитатах мой – К.Ш.

разделить на жизнь без любви к отцу и жизнь с любовью к отцу. Чем же была так особенна эта любовь, раз так сильно повлияла на всё детство Неточки?

Сразу после рассказа о начале безграничной любви к отцу, Неточка говорит: «я вдруг очутилась в каком-то особенном мире. Все вокруг меня стало походить на ту **волшебную сказку**, которую часто рассказывал мне отец и которую я не могла не принять, в то время, за чистую истину. Родились странные понятия» [Достоевский 1972–1990, т. 2, 160]. Таким образом, полюбив отца, Неточка попадает в странный и волшебный мир.

Этот волшебный, ложный мир выдуман именно Ефимовым, который с момента овладения скрипкой выдумывает и распростирает вокруг себя разные сплетни и небылицы. Работая в театре, «Он смеялся над всеми артистами оркестра, над выбором пьес, <...> и, наконец, над самыми авторами игравшихся опер. Наконец, он начал толковать какую-то новую теорию музыки» [Достоевский 1972–1990, т. 2, 156-157], «кончилось тем, что отчим поссорился с Б., выдумал самую скверную сплетню, самую гадкую клевету и пустил ее в ход за очевидную истину» [Достоевский 1972–1990, т. 2, 157]. Выдавать ложь за истину в какой-то момент стало почти его профессией: «Его как-то привыкли видеть в коридорах театра и за кулисами. Служители пропускали его беспрепятственно, как **необходимое лицо**» [Достоевский 1972–1990, т. 2, 158].

Но самой главной и постоянной была его выдумка, «неподвижная идея о том, что он первейший скрипач, по крайней мере в Петербурге, но что он гоним судьбою» [Достоевский 1972–1990, т. 2, 157]. Он убеждает себя в том, что виновата в этом его жена. Повторяя это вновь и вновь, Ефимов сам поверил в это и «обрадовался новой отговорке» [Достоевский 1972–1990, т. 2, 154].

Неточка снова и снова повторяет, что её странное отношение к матери не могло появиться само собой: «Нет! меня испортила фантастическая, исключительная любовь моя к отцу» [Достоевский 1972–1990, т. 2, 164]. Полюбив отца, Неточка принимает его выдуманную реальность, она становится с ним заодно: «И насколько я привязалась к отцу, настолько возненавидела мою бедную мать» [Достоевский 1972–1990, т. 2, 161]. Они вместе с отцом страдают: «...и я привязалась к отцу как к существу, которое, по моему мнению, страдает вместе со мною, заодно» [Достоевский 1972–1990, т. 2, 160].

Неточка, смирившись с мыслью о смерти матушки, опять же, с помощью фантазии («фантазия вдруг пришла мне на помощь» [Достоевский 1972–1990, т. 2, 162]), собирается вместе с отцом убежать из дома. Увидев чудесный, царственно-пышный и сказочно-волшебный дом с красными занавесами, она тут же делает его целью их с отцом побега: «С этих пор, по вечерам, я с напряженным любопытством смотрела из окна на этот волшебный для меня дом» [Достоевский 1972–1990, т. 2, 163].

Неточка забирается на окно, смотрит на дом и мечтает, но делает это, как правило, в отсутствие матушки. Мать Неточки, следуя терминологии исследователя сказок В.Я. Проппа [Пропп, 1928], можно называть вредителем, противником Неточки и отца в этом сказочном мире. И, действительно, матушка как будто пытается помешать их плану: «Я возненавидела наше бедное жилище, лохмотья, в которых сама ходила, и когда однажды матушка закричала на меня и приказала сойти с окна, на которое я забралась по обыкновению, то мне тотчас же пришло на ум, что она хочет, чтоб я не смотрела именно на этот дом, чтоб я не думала об нем, что ей неприятно наше счастье, что она хочет **помешать** ему и в этот раз...» [Достоевский 1972–1990, т. 2, 163]. Впоследствии будет даже почти явное препятствование, когда матушка запрет Неточку с отцом в комнате, чтобы выяснить, где деньги, которые она дала Неточке.

Интересно, что персонаж, который явно принадлежит этому выдуманному миру, Карл Федорыч, сетующий вместе с Ефимовым на свою непризнанность, приходит на чердак исключительно в отсутствие матушки и вообще ужасно её боится.

Неточка, находясь в этом сказочном мире, дичает «как будто в лесу» [Достоевский 1972–1990, т. 2, 165]. Рассказывая о том, как отец читал ей первую в её жизни сказку, она сама проговаривает особенность своего детства:

я все брала за истину, тут же давала волю своей богатой фантазии и тотчас же смешивала с вымыслом действительность. Тотчас являлся в воображении моем и дом с красными занавесами; тут же, неизвестно каким образом, являлся как действующее лицо и отец, который сам же мне рассказывал эту сказку, и матушка, мешавшая нам обоим идти неизвестно куда, наконец, – или, лучше сказать, прежде всего – я, с своими чудными мечтами, с своей фантастической головой, полной дикими, невозможными призраками. [Достоевский 1972–1990, т. 2, 165]

Зачем Ефимову нужно было создавать вокруг себя всю эту ложь? Каково значение сказки, в которую он погружает и себя, и Неточку? Очевидно, она нужна ему, чтобы не осознавать, что «он уже давно и навсегда погиб для искусства» [Достоевский 1972–1990, т. 2, 155]. Сказка нужна Ефимову, чтобы жить дальше, это его надежда. В ней он сражается со своими противниками-музыкантами, побеждает одного за другим, не справившись только с С-цом. Только в сказке у него есть злодейка-жена, которая не позволяет ему достичь своего счастья, только в сказке есть его талант, и только в сказке он великий артист.

Ефимов говорил о будущем концерте С-ца, что «до послезавтра недолго и что скоро все **чудеса разрешатся**» [Достоевский 1972–1990, т. 2, 174]. Чудеса, действительно, разрешились, разрушилась сказка, которую Ефимов так тщательно оберегал. Умирает его слепая вера в свою гениальность, и в этот же вечер вдруг умирает его злодейка-жена. Сказка разрушается не только у Ефимова, но и у Неточки, она чувствует страх, неизвестность, она начинает видеть вещи такими, какие они есть на самом деле: «Помню, что я вздрогнула, когда к моему телу прикоснулось это серебро, и я как будто только теперь поняла, что такое деньги» [Достоевский 1972–1990, т. 2, 185].

По В.Я. Проппу [Пропп, 1928] в волшебной сказке часто после победы над антагонистом герой подвергается преследованию. Может быть поэтому, собираясь в своё странное последнее путешествие неизвестно куда, Неточка и Ефимов очень торопятся, подгоняют друг друга, «скорее, скорее!» [Достоевский 1972–1990, т. 2, 185], хотя объективно никто никуда их не торопит. К этому времени Неточка уже не под влиянием сказки, она боится отца, хотя до этого боялась только мать, она впервые понимает, что не хочет с ним никуда идти, постоянно думает о матушке, не хочет её оставлять в доме. «Наконец совершилось все, о чем я мечтала уже целый год. Мы ушли из нашего бедного жилища... Но того ли я ожидала, о том ли я мечтала, **то ли создалось в моей детской фантазии**, когда я загадывала о счастье того, которого я так не детски любила» [Достоевский 1972–1990, т. 2, 186].

Ефимов умирает, сказка заканчивается, а Неточка попадает в новый мир, в новую реальность, чтобы жить дальше. «Я пробудилась для новой жизни» [Достоевский 1972–1990, т. 2, 187]

Находясь в сказке, в которой её отец великий музыкант, Неточка говорит, дотронувшись до струн скрипки: «Это музы-

ка!» [Достоевский 1972–1990, т. 2, 172]. А когда этот мир рушится под натиском действительности, услышав ту же скрипку, Нечочка скажет: «Наконец он взял скрипку и с каким-то отчаянным жестом ударил смычком... Музыка началась. Но это была не музыка...» [Достоевский 1972–1990, т. 2, 184].

Список литературы

1. Достоевский 1972–1990 – *Достоевский Ф.М.* Полн. собр. соч.: в 30 т. Л.: Наука, 1972–1990.
2. Пропп, 1928 – *Пропп В.* Морфология сказки, Л.: АCADEMIA, 1928. 152 с.

References

1. Dostoevskii, F.M. *Polnoe sobranie sochinenii: v 30 t.* [Complete Works: in 30 Vols.]. Leningrad, Nauka Publ., 1972–1990. (In Russ.)
2. Propp, V. *Morfologiya skazki* [Morphology of the Folktale]. Leningrad, ACADEMIA Publ., 1928. 152 p. (In Russ)

Статья поступила в редакцию 19.10.2020
Одобрена после рецензирования 22.10.2020
Принята к публикации 09.02.2021
Дата публикации: 25.03.2021

The article was submitted 19 Oct. 2020
Approved after reviewing 22 Oct. 2020
Accepted for publication 09 Feb. 2021
Date of publication: 25 Mar. 2021